

УДК 32::91

В. Г. Шведов

РЕТРОСПЕКТИВА ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Публикация содержит анализ эволюции российских геополитических интересов на Дальнем Востоке. Анализ содержит время с XVII по XX века. На этой основе выделено несколько этапов. Даны характеристики геополитических приоритетов каждого из них.

Ключевые слова: *Ретроспективный анализ, этап, геополитический интерес, геополитический потенциал, регион.*

Shvedov V.G. The retrospection of geopolitical interests of Russia at Far East region

The publication devote to retrospective analysis of evolution of Russian geopolitical interests at Far East region. The analysis comprise the time from XVII to XX ages. A few stages are pick out of this base. There are formed characteristics each of its.

Keywords: *Retrospective analysis, stage, geopolitical interest, geopolitical potential, region.*

Вся современная система геополитических интересов не возникла «на ровном месте». В её основе лежат генетические пласты прошлых эпох. Именно их взаимосвязанные наслоения и создали, в итоге, существующую ныне картину международных отношений. Этот факт указывает на значение ретроспективного анализа, который является инструментом реконструкции зарождения и развития геополитических интересов, обретения ими современного облика. А его игнорирование оставляет возможности для фальсификаций, которые имеют в столь деликатной сфере общественной жизни, как геополитика, далеко идущие негативные последствия.

Геополитический ретроанализ эластичен и может быть применён для разных территориальных уровней — от глобального до локального. Это его свойство особенно важно для крупных стран, интересы которых складывались в пределах разных, зачастую далеко отстоящих друг от друга и контрастных по различным характеристикам территорий. Россия в этом отношении исключением не является. В течение долгого времени она действовала сра-

зу на нескольких направлениях, каждое из которых имело хорошо различимые «индивидуальные» черты. Здесь предлагается рассмотреть ретроспективный срез специфики формирования геополитических интересов нашей страны на одном из её наиболее проблемных флангов — дальневосточном.

I этап. Приоритет «хлебной проблемы» (1638-1689 гг.)

Причины, побудившие Россию начать движение за Урал, широко освещены в специальной литературе¹. Поэтому лишь отметим, что к середине XVII в. восточный фронт страны проходил по Селенге, Байкалу, верховьям Лены, Алданскому нагорью Верхоянскому хребту. Очевидно, что выход к Тихому океану для русских не был самоцелью. Их экспансия на восточном направлении шла, исходя из необходимости поиска:

- территорий с незатронутыми пушным промыслом ресурсами;
- земель, способных обеспечить хлебом Восточную Сибирь.

Последняя из этих проблем являлась весьма острой. Поэтому она и стала первопричиной формирования российских геополитических интересов на Дальнем Востоке. Это доказывается тем, что первые сведения о долине Амура, как о пригодной для земледелия территории (1638 г.), развернули основной вектор российской активности в её сторону. Потребность в пахотных землях была столь высока, что в переписке Якутского воеводства и Сибирским приказом Приамурье именовалось «Хлебной землёй».

В 1639—1654 гг. состоялась серия походов (В. Поярков, Е. Хабаров, О. Степанов), результатом которых стало занятие Средне-Амурской равнины. При этом политическая сторона этой акции вначале особых проблем не вызывала: Россия контактировала с аборигенами, либо способными лишь к локальному сопротивлению, либо сразу приносившими оммаж. Но вскоре выяснились осложняющие моменты. Во-первых, экспансия осуществлялась здесь недостаточными силами. Это обусловилось как предельно напряжённым тогда ритмом политической жизни страны в целом², так и сложностью её коммуникативного сообщения с Приамурьем³. Во-вторых, русские не подозревали, что их форпосты на Амуре расположились всего в 375 км от исторического ядра маньчжурской Империи Цин.

Маньчжуры ранее к северным землям внимания почти не проявляли. С начала XVII в. они были заняты подготовкой к вторжению в Китай, а затем — его завоеванием. Ситуация изменилась после появления русских, в котором была усмотрена угроза коренному цинскому домену в верховьях Сунгари.

---

¹ Их обобщённое изложение см. в: Шведов В.Г., 2006.

² Преодоление тяжёлых последствий «смутного времени», войны с Польшей и Швецией, отражение набегов крымских татар и ногаев.

³ Срочный гонец проделывал путь от Москвы до Якутска за 1,5 года и оттуда ещё месяц требовался для того, чтобы попасть на Амур.

Россия оказалась для Империи Цин соперником неизвестным, и, как показали битвы у Ачанского и Кумарского острогов (1652 и 1655 гг.), серьёзным. Поэтому 1652—1681 гг. заполнило состояние «ни мира, ни войны», когда обе стороны изучали друг друга. При этом становилось очевидно, что региональная геополитическая ситуация более благоприятна для маньчжуров, которые, уяснив это, пошли на открытый конфликт.

Результатом войны 1682—1689 гг. стала цинская аннексия Приамурья, которая была воспринята в Пекине не иначе, как новое территориальное приобретение по Нерчинскому договору¹. Однако было очевидно, что это — временное поражение России, которая за полвека своего присутствия в регионе смогла адекватно оценить важность обладания этой территорией для укрепления своего восточного фланга.

Заметим, что на этом этапе Россия вступила в контакт с автохтонными территориально-политическими субъектами. Из них самым значимым и зрелым являлось маньчжурское государство. И тот факт, что Империя Цин к этому времени завоевала и включила в свой состав Китай, не обращает его в суверенного участника событий. Взаимодействуя с русскими, маньчжуры исходили исключительно из своих эгоцентрических интересов — принимая экстренные (и как им казалось, необходимые) меры по обеспечению безопасности собственного коренного домена². Этот факт сдвигает систему двусторонних российско-китайских отношений на Дальнем Востоке в более позднее время, и существенно «омолаживает» её.

Итак, первый этап формирования геополитических интересов России на Дальнем Востоке отличался неясностью: страна не предполагала, что вступает в своеобразный регион, не имела конкретного представления о размерах и конфигурации своих возможных территориальных приобретений в его пределах. Дальнейшая конкретизация этих позиций сузила российскую активность проблемы обладания массивом плодородных земель Приамурья.

Следует признать: в XVII в. Россия не имела тех материальных, военных и дипломатических ресурсов, которые позволили бы ей в условиях жёсткого внешнего давления реализовать свои геополитические интересы) на Дальнем Востоке. Тем не менее, её неудачный «Приамурский дебют» стал объективной основой формирования в дальнейшем более обширного и разностороннего интереса к этой территории.

---

¹ В сообщении императору о заключении мира с Россией, глава маньчжурской дипломатической миссии сообщал: «Земли, никогда не принадлежавшие ранее Вашему Величеству, вошли в состав Ваших владений» (Цит. по: Кабузан, 1985, с. 39).

² Что подчёркнуто в специальном эдикте императора Канси, выпущенного в связи с капитуляцией русской крепости Албазин в 1682 г.: «Эта война ... шла возле нашего дома» (Цит. по: Мясников В.С., 1997, С. 109).

II этап. В тени «Американского вопроса» (1690—1800 гг.)

Усложнение ситуации в Приамурье активизировало интерес России к Северо-Востоку. Сюда в 1648 г. была направлена экспедиция Ф. Попова и С. Дежнёва. Её задачей являлся поиск альтернативы «хлебной» земли в Приамурье. Эта акция подтвердила сведения о богатстве биоресурсов Чукотки и прилегавшей к ней акватории¹. И всё же, продвижение на Северо-Восток началось, что к началу XVIII в., что обусловили следующие причины:

– Нерчинский договор 1689 г. на какое-то время прочно «закрыл» Приамурье для России;

– осуществление крупных внутренних реформ и ведение тяжёлых войн увеличили государственные расходы. Следствием этого стало расширенное потребление ресурсов, в т.ч. — традиционных. А среди таковых видное место занимала продукция охотничьего промысла. Это повысило значимость незатронутого интенсивной эксплуатацией биопотенциала Северо-Востока.

Вдобавок, в Петербурге созрели идеи открытия прямой судоходной трассы через Северную Пацифику к Зондским островам и принятия участия в территориально-политическом разделе Северной Америки.

В начале XVIII в. русские вступили в пределы Камчатки и Чукотки. В 1724 г. Сенат заслушал доклад о перспективе продвижения до Калифорнии². Таким образом, геополитический интерес России к северо-восточной части Дальнего Востока дополнил плацдарменный фактор, отводивший этой территории роль базы обеспечения дальнейшей экспансии в Северной Пацифике.

Главным «инструментом» исполнения поставленных задач стала II Камчатская экспедиция. Её работу оторыл рейд Южного отряда (1738—1740 гг.), который должен был проследовать к Зондским островам. Но, открыв Курильскую гряду, капитаны М. Шпанберг и В. Вальтон подошли к Хоккайдо, где встретились с японцами.

Ранее полагалось, что Япония находится западнее и не может быть помехой на пути к Юго-Восточной Азии. Теперь стало ясно, что открыть прямую трассу к Зондам невозможно. Тогда всё внимание обратилось на Главный отряд В. Беринга и А. Чирикова (1740—1741 гг.), который обследовал северо-запад Северной Америки. Его работа показала, что Россия является монополистом на аннексию этой части континента. В результате, вскоре новый фронт страны прошёл по линии: 141 градус западной долготы на побережье моря Бофорта — верховья Юкона — верховья Фрейзера

---

¹ Дежнёв доставил в Москву одних только моржовых клыков 289 пудов на общую стоимость 17,5 тыс. руб. серебром.

² Русская Тихоокеанская эпопея, 1979.

— архипелага Королевы Шарлотты¹. Под суверенитет России перешло более 10 % Северной Америки. Это приобретение обернулось крупной материальной выгодой: биоресурсы новых владений были огромны², охотничьи экспедиции на Аляску в XVIII—XIX вв. окупались на 200 %.

Итак, на этом этапе геополитические интересы России на восточном направлении сосредоточились на «Американском вопросе». Это возлагало на Северо-Восток функцию плацдарма по обеспечению дальнейшей территориальной экспансии в Северной Америке. Но он не мог справиться с такой задачей. Крайняя удалённость от центра страны и экстремальность климатических условий препятствовали его заселению и экономическому развитию. К концу XVIII в. здесь проживало не более 2 тыс. колонистов.

Прилежавшая к Северо-Востоку акватория в течение года надолго замерзала. А в летом её навигационные условия были столь сложны, что она заслужила репутацию «новой Сциллы». Это обусловило маломощность тихоокеанских портов России: во второй половине XVIII в. в Охотске проживало 70 человек, Петропавловске-Камчатском — 150. Они не имели доков, хороших верфей, гавани были плохо оборудованы — для организации этого хозяйства хронически не хватало рабочих рук.

По этим причинам, Северо-Восток не мог обеспечить не только Аляску, но и себя, продовольствием, снаряжением, инвентарём и вооружениями собственного производства. Вскоре все слабые стороны его «плацдарменности» обрели угрожающие черты.

III этап. «Пацифический кризис» (1801—1855 гг.)

Признаки развития этого этапа обозначились ещё в 80-х годах XVIII в., когда российские владения в Северной Пацифике стали объектом набегов международного браконьерского сообщества. Оно не имело государственной принадлежности, но его действия выходили за рамки грабежа природных ресурсов: браконьеры нападали на русские посты, создавали в отдельных пунктах побережья «независимые республики». Их деятельность направлялась Великобританией. Для подготовки набегов на российские владения браконьеры использовали её портовую базу в Сингапуре, где затем сбывали добычу. Эта позиция имела свои причины.

Аннексия Канады (1763 г.) обозначила возможность расширения английского присутствия в Северной Америке. Ещё одним стимулом для этого стало восстание тринадцати колоний, потерю которых Лондон надеялся компенсировать захватом новых территорий. Эти планы породили проект

---

¹ при обозначении данной линии использованы современные географические названия.

² Ежегодные налоговые отчисления Русско-Американской компании в государственную казну составляли в это время 300 тыс. руб. золотом. Ещё 42,5 тыс. давал государственный ясачный сбор пушнины с аборигенов (Шинковский, Шведов, Волынчук, 2007).

создания пояса владений от Канады через Сибирь и Среднюю Азию до Индии. Таким образом, лейтмотивом геополитической обстановки в Северной Пацифике стало российско-британское противостояние.

Но им «Пацифический кризис» не исчерпывался. В начале XIX в., Россия обнаружила в Северной Пацифике ещё одного соперника. В 1803 г. японцы уничтожили русские пограничные знаки на Сахалине и Кунашире. Россия ответила ограниченными силовыми операциями. Однако обе стороны избегали кровопролития, отдавая предпочтение демонстрациям. Происходило это потому, что Япония предполагала военно-техническое превосходство русских, и не желала доводить развитие ситуации до крайности. В свою очередь, Россия, ввиду роста британской угрозы, избегала возникновения нового очага обострения межгосударственных отношений.

Итак, к началу XIX в. Россия оценивала геополитическое положение своей восточной окраины как неблагоприятное. При этом особое внимание было обращено на конфигуративную составляющую. В общем плане российские владения в Северной Пацифике напоминали треугольник. Его вершиной был Берингов пролив, а основанием — акватория, простиравшаяся от Кунашира через открытую часть Тихого океана до архипелага Королевы Шарлотты. Эта линия служила местом проникновения к Аляске и Камчатке браконьеров, а в перспективе была открыта для вторжения английского флота. Контролировать её можно было, лишь располагая здесь крупными военно-морскими силами. Но мест для организации и обслуживания их баз на пацифическом побережье России не было. Следовательно, надо было обрести в бассейне Тихого океана территорию, которая смогла бы:

- стать пригодной для базирования военно-морского флота;
- обладать природными условиями, способными обратить её в источник продовольственного обеспечения пацифических владений России.

Поиск на указанном направлении был интенсивным и многовариантным¹. Но вскоре стало очевидным, что предъявленным условиям наиболее отвечал бассейн Амура. При этом было очевидно, что главным противником России будет не ослабевшая Империя Цин, а Великобритания. Тем не менее, начало XIX в. отметило эскалацию действий по возвращению Приамурья.

Помимо дипломатического диалога с Пекином, таковые представляли собой серию разведывательных операций, ведшихся со сторон и моря², и суши³. Эта активность объяснялась тем, что ситуация вокруг тихоокеанских

---

¹ Формат и тема данной публикации не позволяют подробно рассмотреть попытки России закрепиться в XIX в. на Гавайях и в Калифорнии.

² Из них особого упоминания заслуживают экспедиции И.Крузенштерна (1804 г.), ставшая блестящей дезинформационной кампанией иностранных разведок на предмет судоходности Амура, и П. Козьмина (1819 г.), проведшего доскональную инженерно-фортификационную разведку Амурского лимана.

³ Индивидуальные съёмки лоций русла Амура офицерами Генштаба (1817-1827 гг.), крупная разведывательная экспедиция А. Миддендорфа (1844-1845 гг.).

владений России ухудшалась. В 1842 г., по итогам I Опиумной войны, англичане отторгли от Империи Цин Гонконг и получили доступ своих военных кораблей к другим её портам. Это давало им огромное силовое преимущество в Северной Пацифике. И промедление могло обернуться для России необратимыми негативными последствиями.

Десант Г. Невельского в устье Амура (1849 г.) следует рассматривать как пик практической реализации Россией её основного геополитического интереса середины XIX в. — коренного улучшения своих территориально-политических позиций на Дальнем Востоке. Империя Цин при этом повела себя предельно пассивно, что объяснялось двумя причинами:

– во время I Опиумной войны Пекин пользовался дипломатической и материальной поддержкой России, и потому не стал осложнять отношения с ней из-за отдалённой окраинной территории;

– в маньчжурских политических кругах было известно, что операция Невельского подкреплена дипломатическим казусом: Нижнее Приамурье не упоминалось в Нерчинском договоре, таким образом, русские заняли земли, не имевшие официальной государственной принадлежности.

Английская реакция, напротив, оказалась немедленной. Одним из театров Крымской войны 1854—1856 гг. стал Дальний Восток. Но итог столкновения здесь оказался неожиданным. Интервенты проиграли сражения за Петропавловск-Камчатский, Николаевск-на-Амуре и Де-Кастри. И так, на Тихоокеанском фронте Россия одержала победу.

Этап Пацифического кризиса завершился для России геополитическим успехом. Вступив здесь в конфронтацию со сверхдержавой XVIII—XIX столетий — Великобританией, она не только отразила попытки её вытеснения с Дальнего Востока, из Северной Америки и акватории Тихого океана, но и, закрепившись (пока неофициально) в Приамурье, создала тем самым предпосылку для дальнейшего усиления своих региональных позиций.

Фаза переоценки территориальных императивов (1856—1867 гг.)

Этот короткий отрезок времени не может рассматриваться как этап. Но составившие его годы отметили территориальную перегруппировку интересов России на её восточном фланге.

В 1854 г., произошла переброска русских подкреплений на театр боевых действий по Амуру. Это был I Амурский сплав, за которым до 1858 г. последовали ещё четыре. Они осуществились в основном в территориальных пределах Империи Цин, которая почти не выказала реакции на их проведение. Причины такой пассивности были очевидны: Россия продолжала оказывать ей содействие в отражении европейской агрессии¹. Поэтому Пекин и

---

¹ В 1856 г. Великобритания и Франция начали против Империи Цин II Опиумную войну.

согласился на заключение в 1858 г. Айгуньского договора, передавшего левобережье Амура России.

Однако та вскоре убедилась, что гавани её новых портов Николаевска и Де-Кастри подвержены сезонному замерзанию, и потому обнаружила стремление к дальнейшему продвижению к «тёплой» акватории. Одновременно англичане заявили о намерении занять залив Золотой Рог. Перспектива создания британского форпоста близ коренных маньчжурских земель угрожала самому существованию цинской династии. У неё не оказалось иного выхода, кроме как успеть передать земли, на которые претендовала Великобритания, России, отличившейся несравненно более тактичным политическим поведением.

Пекинский договор 1860 г. установил российский суверенитет над Приморьем. Заметим, что принадлежность этой территории Империи Цин не была юридически зафиксирована, т.е., она «уступила» земли, которые по международному праву могли рассматриваться как ничейные.

Итак, Россия обрела, наконец, плацдарм для развёртывания военно-морских сил на Тихом океане и территорию для обеспечения американских владений. Кроме того, как отметило британское внешнеполитическое ведомство, Айгуньский и Пекинский договоры компенсировали политические издержки её поражения в Крымской войне.

Однако последующие события денонсировали с этим успехом: в 1867 г. Аляска была продана США, а в 1875 г. дополнительное соглашение к Симодскому договору передало Курилы Японии. Россия потеряла территорию площадью более 1,5 млн. кв. км. И если уступка Курил уравнивалась отказом Японии от претензий на Сахалин, то утрата Аляски подобного «оправдания» не имеет. Но критика «Аляскинской катастрофы» имеет столь высокий порог, что за ним не просматриваются соображения, которыми руководствовалось правительство Александра II. Здесь не предпринята попытка их реабилитации, но их следует упомянуть:

– промысловая охота на Аляске из-за истощения ресурсов потеряла сверхприбыльность. Иные формы её эксплуатации не просматривались;

– кампания 1854—1855 гг. показала, что Россия не обладает военными средствами для защиты Аляски. Тем самым сохранялась возможность её захвата Великобританией. В таких условиях «меньшим из зол» представлялась продажа этой территории дружественной стране¹;

---

¹ С момента образования США и вплоть до конца XIX в. их отношения с Россией строились в контексте активного стратегического партнёрства. Оно базировалось на антибританской основе, а его примерами стали «вооружённый нейтралитет» России во время за независимость США, поддержка ею федерального правительства в Гражданской войне (Юг пользовался помощью Великобритании). В Пацифике российско-американское партнёрство опиралось на соглашения 1812 и 1824 гг., которые предусматривали раздел сфер территориальных интересов на западном побережье Америки и общие меры по борьбе с браконьерством,

По этим соображениям, было решено закрыть «Американский вопрос» и вновь сосредоточиться на Дальнем Востоке. Геополитические интересы России обозначились здесь достаточно быстро благодаря нескольким факторам, которые взаимно дополняли друг друга:

– отмена крепостного права выявила обусловленный общественными издержками «излишек» аграрного населения в сельской местности. Он являлся средой возникновения социальной напряжённости. Остроту ситуации можно было решить, направив часть получивших личную свободу крестьян на колонизацию Дальнего Востока;

– естественный прирост населения в России в XIX в. был высок. При его сохранении, по имевшимся расчётам, через сто лет в стране должно было проживать около 400 млн. человек¹. Согласно представлениям того времени, проблему быстро растущего населения можно было решить лишь имея резерв земель для его размещения;

– Россия вступила в эпоху индустриализации. Это обусловило рост потребления минерального сырья. Поэтому неизученные недра Дальнего Востока представляли большой потенциальный интерес;

– продукция Восточной Сибири могла получить короткий доступ на мировой рынок по «Дальневосточному мосту»;

– Россия территориально полуохватила коренной домен Империи Цин в Маньчжурии и заметно приблизилась к её столичному району. Кроме того, она вышла на прямой пограничный контакт с Кореей, которая потенциально могла войти в сферу российского влияния;

– незамерзающая гавань Золотого Рога обеспечила свободный доступ в акваторию Тихого океана через нейтральные воды Японского моря.

Эти факторы создали предпосылки для начала нового этапа реализации геополитических интересов страны на её восточном фланге.

IV этап. Первичное формирование геополитического потенциала российского Дальнего Востока (1868—1894 гг.)

Этот этап отметился практической реализации упомянутых факторов.

К концу XIX в. на российском Дальнем Востоке проживало около 400 тыс. человек², и хорошо стимулированная переселенческая политика продолжала привлекать сюда в среднем по 10 тыс. колонистов в год³, т.о., на этой территории удалось создать крупный населенческий массив.

материальному обеспечению и защите от внешних посягательств владений обеих стран. Наличие этих договорённостей сыграли важную роль в предотвращении английского вторжения на Аляску в 1854-1855 гг.

¹ Куропаткин, по изд. 2002.

² Расчёт и оценка по: Кабузан, 1973; Алексеев, Морозов, 1989.

³ Переселенцы обеспечивались денежной ссудой на строительство дома и приобретение инвентаря, получали дотацию на покупку определённого количества голов скота, снабжались первые два года жизни на Дальнем Востоке продовольственным пайком и освобождались от налогов. Земля раздавалась в собственность крестьянским хозяйствам либо безвозмездно, либо за символическую плату.

Ещё в 1860 г. близ Владивостока были открыты Сучанские копи каменного угля. С 1867 г. последовали обнаружения золота на Зее, Селемдже, Сутаре, Керби, Амгуни, Бикине, острове Аскольд и Дальнереченского месторождения олова. Разработка минерального сырья стала формировать экономический «облик» Дальнего Востока. За 30 лет со времени начала разработки золотых приисков, здесь было добыто более 9 тыс. пудов золота, что составило 20 % объёма его общегосударственного производства. Годовая угледобыча Сучана к началу XX в. равнялась 4,5 млн. пудов. Этот уровень не только удовлетворял собственные потребности в энергоносителях, но и позволял направлять до 2/3 добытого угля на экспорт. Ежегодно производилось несколько сотен пудов оловянного концентрата.

На промышленную основу были поставлены нижнеамурские и охотоморские рыбные промыслы. Их годовое производство составляло около 1 млн. пудов красной и чёрной икры, 1 млн. пудов красной рыбы и 0,5 млн. пудов осетрины. В Николаевске действовал второй по значимости (после Петербургского) пушной аукцион России, где за каждую сессию одних лишь соболиных шкурок реализовывалось 40 тыс. штук.

Специализация региона не исчерпывалась промышленно-сырьевым сектором. В 1868—1900 гг. здесь возникло около 1,5 тыс. предприятий ориентированных на облуживание потребностей населения (лесопильные, керамические, швейные, ремонтные, сборочные, пищевые). Возводились и более «основательные» объекты: портовые комплексы Владивостока, Николаевска-на-Амуре, Императорской Гавани и Благовещенска, энергетические предприятия, оружейный завод «Арсенал» в Хабаровске.

Шло активное сельскохозяйственное освоение новых земель. К концу XIX в. на Дальнем Востоке сложилось два устойчивых аграрных ареала — в Среднем Приамурье и Южном Приморье. В их пределах было распахано более 1 млн. десятин целины, сформировано стабильно растущее поголовье домашнего скота. Около 1/2 образованных на этой основе хозяйств по классификации того времени характеризовалось как «крепкие», т.е. — ориентированные на товарное производство сельхозпродукции.

Экономическую жизнь региона оживлялось введение для него режима «порто-франко». Связанные и ним таможенные и налоговые льготы привлекали сюда иностранные и отечественные инвестиции. Дополнительной мерой стимулирования товарно-финансового оборота стало положение «О приграничном торге», позволявшее совершать свободные торговые операции во всей зоне рубежного контакта с Империей Цин¹.

---

¹ В её пределах действовали ограничения на оборот оружия, спиртного, некоторыми видами охотничье-собираательской продукции (панты, женьшень и т.д.). Полностью запрещалась торговля наркотиками и благородными металлами приискового происхождения.

По общероссийским темпам экономического роста к концу XIX в. Дальний Восток уступал лишь таким традиционно ведущим районам, как Центр, Северо-Запад, Донбасс и Царство Польское.

Параллельно гражданскому, шло военное освоение региона. К концу XIX в. здесь развёрнулась 100-тысячная армейская группировка, которую дополнили Амурское и Уссурийское казачьи войска. Во Владивостоке и Николаевске были созданы базы Сибирской военно-морской, а в Благовещенске — речной Амурской флотилий. Владивостокский порт защищала возведённая по последнему слову инженерной техники крепость.

Итак, 1868—1896 гг. стали временем становления комплексного геополитического потенциала Дальнего Востока. Однако он не имел надёжной и мобильной связи с остальным внутригосударственным пространством России. Решить эту проблему можно было лишь с помощью самого передового для своего времени транспорта — железнодорожного. В этой связи, возведение Транссибирской магистрали (1892—1899 гг.) нельзя рассматривать как мероприятие, исключительно направленное на решение коммуникационных проблем. А именно, Транссиб:

- связал ранее относительно изолированные очаги экономической активности Дальнего Востока и включил их в хозяйственную деятельность на общегосударственном уровне;

- обратил Дальний Восток в важнейшую артерию международного грузо-пассажирского транзита в Восточном полушарии;

- повысил информационную доступность бассейна Тихого океана для заинтересованных органов центральной власти в отношении сведений оборонного и аналитико-стратегического характеров.

V этап. Неудачный опыт преобладания фактора трансграничного влияния (1895 — условно 1905 гг.)

В конце XIX в. достижения России на Дальнем Востоке были очевидны. Но руководство страны явно переоценило их. Это выразилось в завышенной самооценке возможностей созданного здесь геополитического потенциала. Он находился в стадии хотя и успешного развития, но был далёк от желаемого зрелого состояния. Одновременно не были вовремя замечены и негативные изменения в международной обстановке.

Созревшая в Вашингтоне доктрина превращения США в великую тихоокеанскую державу исходила из необходимости сближения с Великобританией. Целью этого альянса был бесконфликтный раздел сфер влияния в бассейне Тихого океана с англичанами, а ценой — расторжение стратегического партнёрства с Россией.

Отношения с Великобританией оставались напряжёнными. Но она сде-

лала выводы из событий 1854—1855 гг., и теперь искала в Северной Пацифике «непотопляемый линкора» — страну перспективной, но послушную своему влиянию. Выбор пал на Японию¹. В нашу задачу не входит рассмотрение экономического и военного «взлёта» этой страны в конце XIX в. Но отметим, что таковой во многом обусловила английская помощь². При этом Японии отводилась роль силы, которая должна была блокировать распространение российского влияния на «агонизировавшего гиганта» — Империю Цин.

Империя Цин к этому времени обратилась в отсталую страну. Поэтому неудивительно, что она стала объектом раздела на сферы влияния. И Россия принимала в нём участие. Но инкриминировать ей это в качестве «особой вины» будет некорректно по следующим причинам:

– этот процесс соответствовал геополитическим нормам эпохи³ и имел коллективный характер. Устранившись, Россия не облегчила бы участь Империи Цин, а лишь уступила свои зарубежные позиции другим державам;

– в сравнении с таковыми, Россия вела себя корректно. Она не делал за счёт Империи Цин прямых территориальных приобретений. Сроки взятия ею в аренду отдельных объектов были относительно непродолжительны и сопровождались достойной финансовой компенсацией;

– маньчжурская правившая элита в многом сама провоцировала поведение иностранных держав. Она легко жертвовала отдельными территориально-политическими позициями ради иностранных гарантий сохранения её власти хотя бы над частью Китая, дабы и в дальнейшем обеспечить за его счёт своё паразитическое существование.

Превращение Империи Цин в объект международного раздела стало причиной форсированного придания геополитическому потенциалу Дальнего Востока новой функции — распространения трансграничного влияния России. В рамках её реализации произошло российское вмешательство в подведение итогов японо-цинской войны 1894—1895 гг.⁴, которое ограничило территориальные притязания Японии⁵. Это повысило кредит доверия к России со стороны Пекина, следствием чего стало подписание договоров об аренде Квантуна (1896 г.) и возведении в Маньчжурии КВЖД и ЮМЖД (1897—1898 гг.). Это стало продолжением Транссиба от Читы до Владивостока по кратчайшей прямой. Вместе с приобретением незамерзающих гаваней Порт-Артура и Дальнего на Жёлтом море, эта позиция многократно

---

¹ США для этой цели не подходили, т.к. идя на партнёрство с Великобританией, чётко обозначили свои геополитические интересы.

² Подтверждением чему служит заключение в 1902 г. двустороннего англо-японского договоре о военно-экономическом сотрудничестве и взаимной обороне

³ Уместно напомнить, что, находясь в зените своих возможностей, Империя Цин так же неизменно придерживалась этих норм.

⁴ Японская делегация на переговорах о заключении мира в городе Симоносеки находилась в буквальном смысле под прицелом орудий русской эскадры.

⁵ Под нажимом России она отказалась от оккупированного ею Квантунского полуострова.

усиливала зарубежное присутствие России в Восточной Азии, а на долгосрочную перспективу — во всём бассейне Тихого океана. Но при этом из виду был упущен ряд важных моментов.

Российское правительство переоценивало симпатии к себе со стороны цинского двора, упустило из внимания образование американско-англо-японской коалиции. Наконец, имелась легкомысленная оценка Японии как потенциального противника. Но самой большой ошибкой являлся «перекос» региональных геополитических интересов страны в сторону трансграничного фактора. Увлечение «Маньчжурским проектом»¹ шло в ущерб собственной территории. Региональные финансовые ресурсы начали покидать её, оттекая в более перспективную зону КВЖД-ЮМЖД. Остановился рост Благовещенска, Хабаровска и Владивостока. Были отклонены проекты строительства «страхующей» железной дороги вдоль Амура. Из-за «сжатия» поля трудовой активности, сузился приток мигрантов, обозначилось замедление темпов экономического роста.

Весь этот негатив проявился во время русско-японской войны 1904—1905 гг. Япония, создав близ театра боевых действий более сильный в суммарном отношении геополитический потенциал, одержала победу. Для России поражение имело тяжёлые последствия. Помимо территориальных потерь (Квантун, ЮМЖД, Южный Сахалин), провалом завершилась широко декларированная геополитическая заявка на образование на Дальнем Востоке зоны российского трансграничного влияния. Обозначились первые сомнения в потенциальной возможности удержания в случае новой военной угрозы собственной государственной территории.

VI этап. Борьба за сохранение территориально-политического присутствия России на Дальнем Востоке. Определение новой геополитической парадигмы (условно 1906—1929 гг.)

Условность начала этого этапа обусловлена тем, что 12 прошедших после войны с Японией лет не обрели логического завершения. За это время в наращивании и укреплении регионального геополитического потенциала была проделана серьёзная работа. Её открыло принятие в 1906 г. первой правительственной концепции развития Дальнего Востока. Она следовала в известном русле, усиливая стимуляцию привлечения мигрантов, создания обрабатывающих предприятий, расширения освоения целины, повышения инвестиционной привлекательности региона. Знаменательно, что сохранив за собой КВЖД, Россия вновь сосредоточилась на собственной суверенной территории. Знаковыми проявлениями происходивших перемен стали:

---

¹ Под таковым следует понимать действия, направленные на усиление экономического и политического влияния России в Маньчжурии в 1896-1904 гг.

– строительство железной дороги Чита — Благовещенск — Хабаровск, сомкнувшейся с возведённой ранее магистралью Хабаровск — Владивосток;

– реконструкция Владивостокского порта (с 1910 г.), которая позволила довести его гражданский грузооборот до 2,6 млн. т. в год и обратить в место базирования военной эскадры из 115 боевых кораблей, в т.ч. — 40 субмарин.

В настоящее время трудно определить: имели эти меры в своей основе реваншистские устремления, или отражали установку на территориальное усиление страны в сложившихся границах. Логика дальнейшего развития событий была нарушена событиями 1917 г. Политический раскол страны перечеркнул все имевшихся варианты развития региона и поставили вопрос о сохранении её государственного присутствия на Дальнем Востоке.

Парижская конференция Антанты (1918 г.) поручила «умиротворение» российского Дальнего Востока США и Японии¹. Обе эти страны имели планы своего регионального усиления за счёт России. Но каждая подходила к их реализации по-своему. США проявили большую гибкость. Стремясь занять особое положение в послевоенном восстановлении экономики России, они балансировали между враждовавшими сторонами. Поэтому старались не втягиваться в вооружённый конфликт и декларировали приверженность принципу целостности России. Иначе вела себя Япония. Её действия напрямую были нацелены на отторжение Дальнего Востока. Но японские планы оказались под действием двух препятствовавших факторов. С одной стороны, это было мощное партизанское движение на оккупированных землях. С другой, США, видя в японском усилении на Дальнем Востоке угрозу для себя, организовали международное давление на Токио. В итоге Япония отступила, рассматривая, тем не менее, этот откат как временный.

Разлом российского общества на враждебные лагеря (1918—1922 гг.) не внёс изменений в государственную геополитическую парадигму. Какая бы власть не установилась в стране, её представители выступали за сохранение позиций России на Дальнем Востоке. Безусловно, в годы Гражданской войны проявлялись любые, в том числе — и самые безответственные тенденции. Внутри как Белого, так и Красного движений имелись силы, которые, исходя из субъективных интересов, пытались «разыгрывать карты» регионального сепаратизма, либо иностранного политического покровительства. Однако их идеи не находили поддержки ни у подавляющей части населения региона (чем, собственно, и объясняется их крах), ни у серьёзных политических деятелей по обе стороны баррикад. Абстрагируясь от внутри-

---

¹ Япония к этому времени вышла из-под контроля Великобритании и представляла самостоятельную силу с собственными, чётко очерченными геополитическими интересами в бассейне Тихого океана.

государственной стороны конфликта 1918—1922 гг., вступление Красной армии во Владивосток¹, в контексте международных отношений, следует рассматривать как факт удержания Россией Дальнего Востока

Тем не менее, сложность территориально-политического положения этого региона в 20-х — начале 30-х годов XX в. была очевидной. Его общий геополитический потенциал был ослаблен хозяйственной разрухой, депопуляцией, устаревшим уровнем коммуникационной связи с центром страны. Между тем, его внешними соседями являлись:

– Китай², где шла многосторонняя гражданская война, и который по этой причине мог стать очагом проявления непредсказуемых действий;

– Япония, которая уже не скрывала своей готовности к массовой агрессии на Азиатском континенте.

Серьезность ситуации стала более чем очевидной после оккупация Маньчжурии Японией (1930 г.). Это событие актуализировало для СССР проблемы восстановления регионального геополитического потенциала Дальнего Востока и необходимости реализации этого процесса под знаком преобладания оборонного фактора.

VII этап. Вторичное формирование регионального геополитического потенциала под преобладанием оборонного фактора — процесс и результат (1930—1945 гг.)

Реализовывать свои геополитические возможности на Дальнем Востоке СССР мог лишь в ограниченных рамках, учитывая два неблагоприятных момента. Оккупация Маньчжурии позволила Японии создать глубокий полуохват региона. Все его основные центры «накрывались» суточным танковым переходом от границы. Кроме того, основная территория Японии с её промышленностью и густым населением располагалась к возможному очагу возникновения боевых действий гораздо ближе, чем аналогичные по характеристикам регионы СССР (к примеру — Урал); а в Маньчжурии ею было создано крупное производство вооружений и боевой техники³.

В таких условиях СССР следовало рассчитывать только на ускоренное развитие оборонного компонента, который мог стать единственным «инструментом» сдерживания агрессора. Решение этой задачи было возведено в ранг государственной политики. В 1930 г. вышло постановление «Об экономическом развитии Дальнего Востока», нацеленное на превращение этой территории в крупный оборонно-хозяйственный комплекс.

---

¹ Строго говоря, данное вступление в октябре 1922 г. совершила народно-революционная армия Дальневосточной республики. Но к этому времени её фактическая принадлежность сомнений не вызывала.

² Синьхайская революция 1911-1912 гг., свергнув маньчжурскую монархию, восстановила национальный суверенитет этой страны.

³ К 1941 г. на заводах Шэньяна, Фушуня, Аньшаня, Чанчуня, Даляня и Порт-Артура и некоторых других городов Маньчжурии производилось от 10 до 15 % военной продукции Японии.

Существенным препятствием для реализации этого плана была слабая заселённость Дальнего Востока. Поэтому его демографическое заполнение осуществлялось всеми доступными, в том числе — и крайне жестокими, мерами. К 1940 г. здесь было дополнительно сосредоточено 1,5 млн. человек, в т.ч.: около 1 млн. свободного гражданского населения, более 200 тыс. узников ГУЛАГа, и 300 тыс. ссыльнопоселенцев, а так же — армейская группировка численностью около 500 тыс. человек.

По объёму инвестиций Дальний Восток в 30е годы XX в. уступал лишь Центру и Уралу. Узость местной металлургической базы ограничила создание полнопрофильной военной промышленности, поэтому в основном создавались предприятия по сборке и ремонту вооружений, боевой техники, транспортных средств. Большое внимание отводилось объектам стройиндустрии, которые обслуживали ускоренное фортификационное строительства в приграничной полосе и начавшуюся в 1932 г. генеральную реконструкцию Владивостокской военно-морской базы. Важнейшим оборонным объектом стал нефтеперерабатывающий завод в Хабаровске.

В связи повышенной внешней угрозой для главных производственных центров Дальнего Востока, актуальным стал вопрос о создании крупного тылового узла, который мог бы выполнить при необходимости страхующие функции. Таковым стал Комсомольск-на-Амуре. Основанный в 1932 г., к 1939 г. он удвоил численность своего военного и гражданского свободного населения, которое достигло 150 тыс. человек. Здесь же в лагерях содержалось до 100 тыс. заключённых. В городе разместились предприятия, имевшие исключительное значение для наращивания оборонных возможностей региона — верфь, авиационный, нефтеперерабатывающий и сталелитейный заводы. В его окрестностях шёл поиск руд цветных металлов.

В 1932-1940 гг. была проведена реконструкция Транссиба: его оконтурили линии электропередачи, телефонные и телеграфные линии, пояс оборонных сооружений. Число колеи на отдельных участках полотна увеличилось до десяти. Прокладывались отводные ветви. Одни шли к угрожаемым участкам границы от станций Сковородино, Завитая, Райчихинск, Биробиджан. Другие были вынесены от станций Известковая и Волочаевка для связи с Комсомольском и Байкало-Амурской магистралью.

Идея сооружения БАМ объяснялась тесным прилеганием Транссиба к внешней границе. Его положение требовало наличия дублирующей магистрали, хотя её прокладка и эксплуатация в сложных природных условиях сулили немалые трудности. Строительство БАМа началось в 1937 г. Несмотря на жёсткий контроль, оно ежегодно отставало от плана на 3—5 %, а текущие расходы превышали смету на 20 %. Тем не менее, к 1941 г. было возведены участки, которые в совокупности покрывали 2/3 трассы.

Таким образом на этом этапе региональный потенциал приобрёл несравненно больший функциональный «вес», чем в начале столетия. Общий прирост объёма производства тяжёлой индустрии на Дальнем Востоке в 30-е годы XX в. составил 200 %¹. Причём $\frac{3}{4}$ этого показателя обеспечили оборонные предприятия. Вместе с тем, крен в сторону оборонного фактора обозначил и ряд недостатков потенциальных возможностей региона. Милитаризация поглощала основную массу финансовых вложений. Это обусловило отставание отраслей, нацеленных на удовлетворение потребностей населения. Замедленными темпами развивалось сельское хозяйство: к началу 40-х годов посевной клин превысил площади 1917 г. лишь на 25 %; поголовье скота увеличилось всего на 15 %. В условиях роста численности населения, большинство которого составили военнослужащие и заключённые, эти показатели были неудовлетворительны. В итоге, сложилась практика централизованной поставки на Дальний Восток потребительских товаров и продовольствия из западной части страны. И если в начале этапа доля завоза составляла 20 % от нужд региона, то к его концу она достигла 50 %².

Заметные коррективы в состояние региона внесла Великая Отечественная война. В 1941—1943 гг. сюда из Центра было переведено около ста предприятий тяжёлой индустрии, что позволило увеличить объём выпускаемой промышленной продукции в сравнении с 30-ми годами на 50 %. Возле Владивостока был сооружён дубль-порт Находка, реконструирован ориентированный на приём поставок по ленд-лизу порт Советская Гавань. Транспортная сеть дополнилась нефтепроводом Хабаровск — Комсомольск-на-Амуре. Ещё больше возрос интерес к содержанию недр Дальнего Востока. С 1941 по 1945 гг. здесь было выявлено 150 месторождений сырья оборонного назначения.

Вместе с тем, в условиях постоянной угрозы нападения со стороны Японии и растущих потребностей фронта, проявились и негативные тенденции. Объём центральных инвестиций в экономику Дальнего Востока сократился в 10 раз. Прекратился миграционный приток. Был демонтирован БАМ. Эксплуатация минеральных ресурсов ограничивалась начальными стадиями их обработки. К 1945 г. оборонный фактор занял в сложившемся геополитическом потенциале региона абсолютное положение. Было очевидно, что это явление не оправдывает себя на долгосрочную перспективу — гипертрофированная милитарная составляющая не имела существенной местной подпитки. Но необходимо признать, что в условиях конкретной геополитической ситуации сложившееся положение дел было оправданным.

Пробные для Японии сражения на Хасане (1938 г.) и Халхин-Голе

---

¹ Дальний Восток России ..., 1995.

² Шведов, 2006.

(1939 г.) показали ей мощь оборонных возможностей советского потенциала и не оставили сомнений в том, что крупные боевые действия чреватые для атакующих невосполнимыми потерями уже на границе. В 1943 г. Токио «заморозило» сценарий наступательных действий против СССР.

Ставка на оборонный фактор полностью подтвердилась в августе-сентябре 1945 г., когда все, созданные за годы его преобладания, потенциальные возможности Дальнего Востока стали материальной основой для обеспечения грандиозной по размаху и эффективной по результатам кампании СССР против Японии. Сформированный потенциал разрядился таким мощным ударом, который полностью изменил геополитическую обстановку во всей Восточной Азии на все обозримое будущее.

VIII этап. Время факторной неустойчивости (1946 — конец 80-х годов XX века)

В 1946 г. советские войска были выведены из Маньчжурии. Но Советский Союз имел уникальную возможность усилить своё геополитическое влияние в Китае, где шло противоборство между Гоминьданом и Коммунистической партией Китая. При этом последняя опирались на помощь СССР. В 1945—1948 гг. весь созданный в регионе оборонный потенциал был направлен на удовлетворение потребностей зарубежного союзника¹.

Провозглашение в 1949 г. Китайской Народной Республики и заключение ею «О дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи» с СССР, убедило Москву в правильности регионального геополитического выбора в пользу приоритета нового, трансграничного фактора. Территория Китая теперь рассматривалась как передовой рубеж обороны мирового социализма в Азии, а Советский Союз был готов нести главную материальную нагрузку в его укреплении. За 1950—1955 гг. он выделил на развитие оборонной промышленности северо-восточных провинций Китая 9 млрд. юаней, что равнялось 40 % суммарных инвестиций в экономику КНР, направил сюда 3 тыс. специалистов, передал 1,5 тыс. комплектов технической документации. Это позволило восстановить здесь более ста старых и создать 36 новых крупных предприятий, мощь которых в 1956 г. составила 1/3 индустриальных мощностей страны.

В эти годы обозначилась тенденция сращивания потенциалов приграничных территорий СССР и КНР. Её претворение в жизнь позволяло создать трансграничное образование с огромным демо-производственным потенциалом, которое могло дать адекватный ответ на объединение возле границ союзников объединённой военной мощи США, Японии и Южной Ко-

---

¹ Ежегодный объём стратегических советских поставок НОАК в эти годы достигали 100 млн. руб. в ценах 1946 г. При этом в эти затраты не вошла стоимость тех военных трофеев, которые СССР передал ей в 1945 г. после капитуляции Квантунской армии (Борисов, 1985).

реи. Наиболее зримыми признаками реализации этой концепции являлись:

– создание Китаем в приграничной с СССР зоне ещё 150 новых промышленных предприятий;

– заключение соглашения о совместном свободном судоходстве по рекам бассейна Амура, проекты создания на них пяти трансграничных ГЭС, семи водохранилищ, двух сталелитейных и алюминиевого заводов.

Но за этими действиями и планами скрывался один из изъянов советской внешней политики — жертвенность в пользу партёра. В известном смысле, в середине XX в. повторилась ситуация начала столетия: чрезмерная концентрация внимания на развитии китайской территории шла в ущерб территории советской. Так, относительный объём целевого финансирования развития промышленности советского Дальнего Востока за 1946-1960 гг. сократился вдвое¹. В регионе сохранилась порочная в изменившихся условиях модель сырьевой специализации промышленности, которая обусловила начало его отставания в темпах ежегодного прироста промышленной продукции — 9 % против 12,3 общесоюзных.

Некоторые «шероховатости» в политических отношениях между СССР и КНР имели место с 1949 г. Но они не выходили за рамки тайного межгосударственного диалога. Установление в 1960 г. режима личной диктатуры Мао Цзе-дуна взломало эту традицию.

Советско-китайская конфронтация второй половины XX в. была явлением многогранным. Она резко изменила всю, установившуюся было для Советского Союза систему геополитических ценностей в регионе. Трансграничный фактор сошёл на нет. Конструктивные связи были полностью разорваны. За 1961—1967 гг. советская граница на Дальнем Востоке нарушалась почти 7,5 тыс. раз. В 1968 г. меморандум ЦК КПК констатировал неизбежность начала войны с СССР. Годом позже в прямое соприкосновение вошли армии обоих государств, между которыми произошло 488 боестолкновений, в т.ч. — битва за остров Даманский.

Геополитическая обстановка для СССР вернулась к состоянию 30-х годов. На первый план снова выдвинулся оборонный фактор, что нашло отражение в правительственном постановлении «О мерах по дальнейшему развитию Дальнего Востока» от 1967 г. Им предусматривались меры, уже апробированные в противостоянии с Японией: наращивание населенческого и военного потенциалов, диверсификация транспортной сети.

Привлечение мигрантов происходило теперь на добровольной основе с использованием поощрительных мер. Это позволило к началу 80-х годов увеличить численность населения региона до 6 млн. человек. Кроме того, ре-

---

¹ Дальний Восток России ..., 1995.

гиональная армейская группировка была доведена до 2,5 млн. личного состава¹. В 60—70-е годы финансирование Центром Дальнего Востока, в сравнении с предыдущими десятилетиями увеличилось в 5,5 раз. При этом $\frac{3}{4}$ средств направлялись на оборонные проекты в промышленности и строительстве. Это позволило экономике региона превзойти общесоюзные темпы прироста промышленного производства (8,8 % против 8,5 в среднем по стране)². Развитие транспортной системы предусматривало возвращение к идее возведения БАМа и прокладку Приморской кольцевой автомагистрали³.

Возродившийся приоритет оборонного фактора послужил новым толчком к наращиванию регионального геополитического потенциала, а полная реализация вязанных с ним планов позволяла обратить советский Дальний Восток в глубоко эшелонированный оборонный комплекс, взломать который можно было бы лишь с применением оружия массового поражения. Однако чрезмерная концентрация внимания на милитарных приоритетах вновь обусловила отставание отраслей по выпуску потребительской продукции, сельского хозяйства, препятствовала созданию полных цепочек переработки местного сырья. В условиях централизованной экономики эти недостатки перекрывались внутригосударственными межрегиональными поставками и создавали видимость самодостаточности территории. Но эта иллюзия была, в конце концов, рассеяна консолидированными последствиями внешнего и внутреннего воздействия.

В 1972 г. Китай нормализовал отношение с США. Подписанное ими Шанхайское коммюнике констатировало создание единого антисоветского фронта, к которому присоединились Япония и Южная Корея. Этот манёвр поставил советский Дальний Восток в заведомо проигрышное геополитическое положение, которое доклад Пентагона Госдепартаменту США оценил как «безнадёжное». В случае начала боевых действий, он являлся единственной территорией СССР, которая могла бы подвергнуться совместному прямому удару вооружённых сил США и КНР.

Для обеспечения должного оборонного уровня региона, от СССР уже в 1980 г. требовалось увеличить капиталовложения в него в три раза по сравнению с 1978 г. Но такая задача была бы и в более благоприятных условиях практически невыполнимой, а Советский Союз уже начал испытывать симптомы тотального социально-экономического кризиса. И для столь специфической территории, как Дальний Восток, они были весьма ощутимы. Ежегодные темпы прироста ВВП здесь к началу 80-х годов сократились до 3,2 % (в среднем по СССР — до 4,8 %), стоимость промышленного и потреби-

¹ Самый высокий в стране показатель соотношения военного и гражданского населения.

² В том числе, производство электроэнергии здесь возросло в 4,1 раза, нефтепродуктов — в 3 раза, цемента — в 2,7 раза, целлюлозы — в 2,5 раза, стального проката — вдвое (Дальний Восток России ..., 1995).

³ Владивосток — Хабаровск — Комсомольск — Советская Гавань — Ольга — Владивосток.

тельского ввоза из западной части страны в 1,8 раза превысила стоимость обратного вывоза. Обработке не подвергалась 1/3 добываемого на Дальнем Востоке сырья; замены требовала половина сосредоточенного здесь производственного оборудования. В сочетании с неизбежным сокращением дотаций из Центра и жёстким внешним давлением, эта ситуация грозила коллапсом регионального геополитического потенциала и крупными социально-экономическими потрясениями.

Эта нота, собственно, и подводит итог ретроспективному обзору. Все последующие события: жестокий кризис, потрясший СССР и приведший его к распаду, выход КНР из орбиты союзничества с США и её переход к политике стратегического партнёрства с Россией, а так же — их прямое влияние на состояние и трансформациям геополитического потенциала Дальнего Востока принадлежат анализу современности.

Литература

1. Алексеев А.И., Морозов Б.Н. Освоение русскими людьми Дальнего Востока. Конец XIX века — 1917 год. — М.: Наука, 1989. — 224 с.
2. Борисов О.Б. Советский Союз и Маньчжурская революционная база. — М.: Наука, 1985. — 252 с.
3. Дальний Восток России: экономическое обозрение / Под ред. П.А. Минакера. — Хабаровск: Риотип, 1995. — 477 с.
4. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII — начале XX веков. — М.: Наука, 1985. — 260 с.
5. Кабузан В.М. Как заселялся Дальний Восток. — Хабаровск: ХКИ, 1973. — 192 с.
6. Куропаткин А.Н. Русско-японская война. — С.-Пб.: Полигон, 2002. — 527 с.
7. Ламин В.А. Ключи к двум океанам. — Хабаровск: ХКИ, 1982. — 255 с.
8. Ленин В.И. Доклад о внутреннем и внешнем положении республики на совещании актива московской организации РКП(б). / ПСС, изд. V, 1963. Т. 41. — С. 338–341.
9. Ленин В.И. Речь на пленуме Московского Совета. / ПСС, изд. V, 1970. Т. 45. — С. 300–309.
10. Ленин В.И. Речь на фракции РКП(б) VIII съезда Советов / ПСС, изд. V, 1963. Т. 42. — С. 162-171.
11. Лю Да-нянь. О Канси / Историческая наука в КНР. / Под ред. Р.В. Вяткина. — М.: Наука, 1971. — С. 261-279.
12. Мясников В.С. Договорными статьями утвердили. — Хабаровск: ХКИ, 1997. — 543 с.
13. Русская тихоокеанская эпопея. — Хабаровск: ХКИ, 1979. — 607 с.
14. Шведов В.Г. Историческая политическая география. Обзор становления, теоретические основы, практика. — Владивосток: Дальнаука, 2006. — 257 с.
15. Шинковский М.Ю., Шведов В.Г., Волинчук А.Б. Геополитическое развитие Северной Пацифики. Опыт системного анализа. — Владивосток: Дальнаука, 2007. — 338 с.